

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

132

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 132

TRIMESTRIEL

III-IV - 1980

Темира ПАХМУСС

ИЗ АРХИВА ЗИНАИДЫ НИКОЛАЕВНЫ ГИПШИУС

Письма к Е. М. Лопатиной и С. Л. Еремеевой

Екатерина Михайловна Лопатина (сестра философа Л. М. Лопатина) и З. Н. Гипшиус познакомились еще в Петербурге, задолго до революции 1917 г. Искренне привязанные друг к другу, они всегда стремились до мельчайших подробностей, с предельной ясностью осветить свой внутренний мир в письмах и при личных встречах. Они часто виделись в Клозоне, на юге Франции, где Лопатина, вместе со своей подругой, Ольгой Львовной Еремеевой, учредила на свой счет санаторий для больных детей и руководила им в течение многих лет. Гипшиус и Д. С. Мережковский постоянно гостили у «сестер», которых Гипшиус горячо любила и которые были близки ей по духу, как и она — им. Естественно, что они много говорили о русской интеллигенции в изгнании, о трудной жизни русских эмигрантов во Франции, о христианском учении, христианском подвиге и о Православной Церкви. По этим письмам нетрудно проследить систему мысли Гипшиус и ее религиозные концепции. (Подробное их изложение можно найти в уже опубликованных дневниках Гипшиус, например, **О Бывшем**,¹ **Коричневая тетрадь**,² и **Выбор?**³)

Неоспоримая ценность писем (и дневников) Зинаиды Гипшиус заключается в том, что они воссоздают мировоззрение поэта, чья метафизическая направленность вызывала полную переоценку всех духовных ценностей на пороге нового века, вплоть до бурного расцвета религиозного ренессанса в России. В письмах мы находим главную, жизнеутверждающую мысль Гипшиус, что воля людей, их «параллельное действие» и общая молитва откроют им то, что еще скрыто в уже существующем образе «живого Иисуса Христа» и «живой Святой Троицы» в сердце каждого верующего. Одной из самых важных для нее самой тем была ее идея о двух мирах — «этом» и «том», двух бытиях, двух плоскостях, которые, существуя друг с другом и друг в друге, образуют органическое единство, одно целое. По мнению Гипшиус, «до» и «после» (смерти человека), «теперь» и «потом» не существуют, и «соединение, соприкосновение двух миров, может быть, находится в н е этих категорий. «Тот» мир может быть и «здесь»... И даже по всем вероятностям здесь: мы видим воочию, что избравшие путь, святые христианства... у ж е были там, будучи здесь. **Здесь** дается им все, на **здесь** пролегающем пути»,⁴ — писала она в дневнике **Выбор?** «Здесь» и «там» понятия «пространствен-

ные», и от них нужно отказаться, чтобы стройнее видеть мироздание. Человеческое страдание происходит из «разности двух миров, из реальности бытия обоих и сосуществования в непонятном (мистическом) единстве в человеке».

Зинаида Гиппиус

Иисус Христос, а через Него вопрос христианства и христианского спасения, неразрывно связан со страданием и с человеческой трагедией. Но «страдание усиливает счастье любви».⁵ Любовь, как проявление высшей реальности, нетленна, неуязвима. Любовь — это «свет немеркнущий, перед которым свет солнца — не естественный, а темный». Люди в страдании близки к спасению, «то есть они скорее могут увидеть путь спасения от страданий, победы над ними верной и окончательной».⁶ Христианство дает человеку высочайшую свободу: «Христос не зовет на свой «путь» — Он его открывает... Основ-

ное начало христианства и есть свободное пленение, иначе — любовь».⁷ Путь к этому счастью открыт для каждого, и первая обязанность Церкви, по мнению Гиппиус, это — открыть человеку глаза на этот путь, «чтобы каждый услышал, увидел, что путь открыт, обратился — и спасся».⁸ (В благодарность Гиппиус за её «разрешение проблемы любви» Андрей Белый посвятил свою Четвертую симфонию, **Кубок метелей**, Николаю Метнеру, «внушившему тему симфонии, и моему дорогому другу Зинаиде Гиппиус, разрешившей эту тему».⁹ Как и Достоевский, Гиппиус твердо верила в единство «того» и «сего» миров и в потенциальную возможность Царства Божия на земле. Идеализм Гиппиус отметил К. М. Вендзягольский, знавший Зинаиду Гиппиус в Варшаве в 1920 г. В своем письме от 16-го декабря 1969 г. к автору данного предисловия Вендзягольский сообщает о «поэтическом, почти на границе фантазии, идеализме» поэта. «Мне уже и тогда, — продолжает Вендзягольский, — было ясно, что З. Н. является человеческим феноменом, одаренным нечеловеческой способностью воспринимать явления вне трехстепенного статута... Все, исходящее из ее личности, было на очень возвышенном интеллектуально-мистическом уровне».

В этическом и религиозном аспектах идеалистической философии Гиппиус концепция свободы играет большую роль. По убеждению поэта, только христианство предоставляет человеку возможность познать высшую форму свободы. 8-го ноября 1893 г. двадцатитрехлетняя Зинаида Гиппиус записывает в свой дневник *Contes d'amour* следующее: «Мысли о Свободе не покидают меня. Даже знаю путь к ней. Без правды, прямой, как математическая черта, нельзя подойти к Свободе. Свобода от людей, от всего людского, от своих желаний, от — судьбы...»¹⁰ Во имя достижения этой «новой священной Свободы», Гиппиус стремилась обратить внимание своих пассивных в религиозных и духовных вопросах современников, полностью ушедших в личный, узкий мир, на иной путь. Считая своим долгом открыть людям глаза на высшие ценности земной жизни — свободу, равенство, любовь, — Гиппиус отошла от прежних единомышленников для встречи с новыми, потенциально способными к духовному возрождению людьми. В течение двух первых десятилетий двадцатого столетия, вместе с Мережковским и их долголетним другом и соратником, Д. В. Филосовым, она пыталась пробудить «новое религиозное сознание». Целью этой деятельности было создание единого человеческого общества внутри соборной Церкви как основания будущего Царства Божия на земле.

Гиппиус различала три фазы в истории человеческого прошлого, настоящего и будущего. Три фазы представляют собою три различных царства: Царство Бога Отца, Творца — Царство Ветхого Завета; Царство Бога Сына, Иисуса Христа — Царство Нового Завета, настоящая фаза в религиозной эволюции человечества; и Царство Святого Духа, Вечной Женщины-Матери — Царство Третьего Завета, которое откроется

человечеству будущего. В Царстве Ветхого Завета произошло откровение силы и власти как истины; в Царстве Нового Завета нашло себе место откровение любви как истины; Царство Третьего Завета проявит себя в любви как свободе. Третье и последнее Царство, Царство Третьего Человечества, разрешит все существующие поныне антитезы: пол и аскетизм, индивидуальность и общественность, рабство и свобода, атеизм и религиозность, ненависть и любовь. Все противоречия исчезнут в синтезе единого Царства, Царства апокалиптического христианства, таинственного и чудесного слияния Земли и Неба. Тайна Земли и Неба, плоти и духа, найдет свое разрешение в Святом Духе — союзе Земного и Небесного, воплощенном Девой-Богоматерью. Трое в Одном претворятся в реальность, и христианство найдет в этом претворении свое завершение. Бог Отец и Бог Сын соединятся в Святом Духе, в Вечной Женственности-Материнстве.

Зинаида Гишпиус критически относилась к историческому христианству, которое, по ее мнению, не в состоянии открыть связь, существующую «между первой книгой Библии, книгой Бытия, и последней — Апокалипсисом. Конец и Начало, Ветхий Завет и Новый Завет, древо познания и древо жизни должны явиться нам в последнем и современном соединении»,¹¹ — утверждала Гишпиус. Человек должен «понять тайну непорочного зачатия, девственного материнства, тайну пола до конца — до конца мира — и не теоретически, не отвлеченно, богословски, — а пламенно, действенно, жизненно. Историческое христианство не разрешает, а лишь упраздняет этот вопрос — отсечением плоти, всепоглощающим, односторонним аскетизмом».¹² Человек должен постигнуть, что девственное материнство, вечная женственность, Небесная Мать, завершает Святую Троицу. Гишпиус неустанно подчеркивала значение Святой Троицы, Трех в Одном, отражающемся на всех аспектах жизни человека на земле. В **Выборе?** она отдает дань христианским Церквам за их продолжение дела Христа на земле: они открывают для каждого индивидуума в отдельности «путь к Истине», показанный Иисусом Христом всем, кто хочет следовать по этому пути. Но христианские Церкви, утверждала Гишпиус, не открывают этих дверей для всего мира в целом, т. к. они не открыли еще одной большой тайны — «сокровища Христа», Божественную Троицу. «У нас есть пока только одна догма, — сетует поэт. — Конечно, эта догма представляет собою большую ценность. Но что означает такое обладание догмой, если мы не видим и не чувствуем этого сокровища? Если оно спрятано за семью замками, если мы просто не владеем им?» В **Выборе?** она делает и свое заключение — «Задача будущей Церкви — открыть тайну Святой Троицы — пламенно, действенно, жизненно».

Зинаида Гишпиус имела в виду религиозную революцию, духовную метаморфозу человека во имя Третьего Царства. В этом процессе человек, она надеялась, воспримет Бога как Отца и Мать; Богоматерь как Святой Дух и Святую Плоть; и

Иисуса Христа как Отца и Святого Духа, Трех в Одним. Христианские Церкви, по мысли Гиппиус, существовали до сих пор, придерживаясь исключительно Христа и упоминая Бога Отца и Святого Духа только в обрядах. Но Иисус Христос Один, продолжает она, «лишь правда, жизнь и путь к Истине».¹³ Настоящая Церковь не может «начинаться и кончаться Христом», т. к. Он может быть только с Богом Отцом и Святым Духом в едином завершении. «Настоящая (апокалиптическая) Церковь — Церковь такого завершения».¹⁴ Цель всего исторического развития вселенной — это конец человечества и мира в их прежней форме через Второе Пришествие Христа как Трех в Одним. Он объединит человечество в любви и гармонии, как одну семью. В духовной эволюции человечества наступит время апокалиптической Церкви не как храма, а как нового, внутреннего переживания Бога в человеческом сознании и в человеческой душе. Во имя ускорения этого процесса Церковь Трех Апостолов — Петра, Павла и Иоанна — должна соединиться для «оживления» существующей Церкви. Новая, живая и жизнеспособная Церковь, в основании которой будет заключено внутреннее переживание человеком Иисуса Христа, будет единой настоящей, вселенской Церковью.

Гиппиус дает более полное определение своей концепции христианства в статье «Великий путь», где выражает мнение, что историческая христианская религия представляет собою лишь одну часть истинного христианства. «Настоящее, общечеловеческое христианство связано органически со Святой Троицей в Одним».¹⁵ Христианство начинается, развивается и завершается в процессе течения промежутков времени, связанных друг с другом и следующих один за другим в логическом порядке — «в отдельном и волевом» развитии человека. Бог дал человеку свободу выбора — погибнуть или спастись. Завершится ли этот процесс абсолютным отрицанием, ничто или достижением высшей ступени человеческого Бытия — абсолютным утверждением — зависит от силы и интенсивности человеческой воли и от ее связи с всеобщей, Божественной волей. В дневнике **Выбор?** находится следующая запись «Не д л я о т к а з а от чего бы то ни было выбирается путь христианства, а д л я п о л у ч е н и я чего-то, что тебе дороже всего, от чего приходится попутно отказаться. Вопрос **Выбора** — вопрос **положительных ценностей**».

Всю свою жизнь Гиппиус живо интересовалась католической верой. В дневнике **Несколько комментариев к комментариям**,¹⁶ например, она признается в своем сочувствии католическому мистицизму: «Католической мистике я сочувствую, лозанскому движению тоже, конечно. Храмовое благочестие тоже неплохая вещь, но мне более чужда. Что касается обучения христианской жизни примером, то я не могу, т. к. сама не чувствую себя ведущей такую примерную христианскую жизнь». Гиппиус считала, что ее назначение в религиозной жизни состоит в создании Главного,¹⁷ «Церкви как евангельской, христианской религии Плоты и Крови», которая должна

включить в себя и католическую Церковь. В свою бытность в Париже, в 1906-1908 гг., Гиппиус и Д. С. Мережковский общались с католическим духовенством, в частности с Abbé Portal, ректором Парижской семинарии, и Abbé Loisy, принадлежавшими к движению, которое Гиппиус обозначала как «борьбу за христианство с исторической церковью»,¹⁸ с такими представителями модернистского движения, как Père Labertonnière и его секретарем Louis Canet, оба из Annales de philosophie chrétienne, и с Бергсоном. Анатолий Франс тоже был собеседником Мережковских в Париже. Религиозные вопросы и метафизические концепции обсуждались на этих встречах католического духовенства и модернистского движения, но Зинаиде Гиппиус и Мережковскому не удалось приобрести среди них новых сподвижников для Главного. Гиппиус приходит к выводу, что Католичество и Русское Православие не могут еще слиться и что если бы они и могли соединиться, их союз не мог бы создать «нового религиозного сознания», Главного, необходимого для рождения новой, вселенской Церкви. Но даже после этого открытия Гиппиус не утратила своего интереса к католической религии.

В ожидании Царства Третьего Завета на земле Гиппиус вместе с Мережковским создала Религиозно-Философские собрания в Скт-Петербурге, журнал **Новый путь** (Скт-Петербург, 1903-1905) и Главное, которые сыграли исключительную роль в духовной и художественной жизни русской северной столицы в начале века. В процессе развития Главного Гиппиус и Мережковский привлекали к себе представителей русского духовенства, выдающихся художников и писателей, философов и политических деятелей. Епископ Сергей и Митрополит Антоний из Александро-Невской Лавры, А. В. Карташов и В. В. Успенский из Санкт-Петербургской Духовной академии; Андрей Белый, Александр Блок, Мариетта Шагинян, Н. М. Минский-Виленкин, А. Л. Волынский-Флексер, Д. В. Философов, В. В. Гиппиус, В. Ф. Нувель, Лев Бакст и Александр Бенуа примкнули к деятельности Гиппиус в Главном. Бердяев, В. В. Розанов и В. А. Тернавцев разделяли многие из взглядов и действий Мережковских. Среди их политически-мыслящих сподвижников находились Б. В. Савинков, И. И. Бунаков-Фондаминский и Г. В. Плеханов. Все они, в той или иной степени, способствовали развитию Главного — на пути к Человечеству Третьего Завета.¹⁹

Для Зинаиды Гиппиус годы 1900-1917, годы Главного, были самыми значительными во всей ее творческой жизни. После революции 1917 г. она перестала относиться критически к существующей Русской Православной Церкви, видя в ней «страдающую» Церковь всех русских. «Я с ними [со всеми русскими верующими]», — писала она в 1922 г. «Я совершаю Евхаристию с ними в моих мыслях. Я знаю, что они сохраняют свою верность, как я сохраняю мою веру». «Я сливаюсь, вливаюсь в главное течение Церкви с е г о д н я, и если что-нибудь во мне, сегодняшней, не сливаемо с ним — я это от себя отре-

заю»,²⁰ — сообщала она в письме к Бердяеву. Тем не менее, она сохранила свою твердую веру, что воплощение Главного произойдет в будущем: «Воплощение этого мирозерцания в словах и, главное, в жизни — необходимо, и оно будет. Не под силу нам — сделают другие. Это все равно — лишь бы было». К этому заключению Гиппиус приходит под конец жизни, как об этом повествуют вышеназванные дневники-записи ее собственных религиозных размышлений. Письма Зинаиды Гиппиус в Клозон следует читать в свете ее философских исканий.

Письма ее, кроме того, проливают свет на яркую индивидуальность поэта, ее внимательное отношение к близким ей по духу людям, желание им во всем помочь, беспокойство по поводу многочисленных русских религиозных группировок в Париже, искажающих лик Русской Православной Церкви; ее патриотизм, нетерпимость по отношению к большевикам, глубину ее метафизических воззрений и лояльное отношение к России — «без большевиков». Письма в Клозон также передают зоркое внимание поэта ко всему, происходящему в русской эмиграции в Париже, включая пассивность, нужду и безденежье русских эмигрантов. Художественное достоинство этих писем заключается в точной, выразительной речи Гиппиус и ее многочисленных коротких характеристиках людей, которые предстают перед глазами читателя как «живые лица». Ее изображение той части русской интеллигенции, которая сыграла большую роль в истории России, имеет немалое историко-литературное значение, т. к. они дают возможность непосвященному читателю увидеть некоторые «как?» и «почему?» русской революции 1917 г.

В подготовке писем к печати я не сделала никаких поправок в стиле, орфографии и системе пунктуации Зинаиды Гиппиус. Комментарии о более известных писателях, как, например, И. А. Бунин, гораздо короче, чем о менее известных. Но и тут я не имела в виду дать исчерпывающие био-библиографические сведения. Цель этих комментариев — облегчение чтения и понимания писем Гиппиус для читателя, которому недостаточно известны атмосфера и события в жизни русской эмиграции в Париже в 1920-1939 гг.

Письма Зинаиды Гиппиус к Д. В. Философову, Б. В. Савинкову, Н. А. Бердяеву, П. Н. Милюкову, В. А. Злобину, Г. В. Адамовичу, В. А. Мамченко, Т. И. Манухиной, А. Н. Гиппиус, Грете Герелль, как и письма А. В. Карташова к Гиппиус и Мережковском, напечатаны в моей книге *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*.²¹

Книга «Зинаида Гиппиус: письма к Берберовой и Ходасевичу», под ред. Erika Freiberger-Sheikholeslami,²² вышла в 1978 г., а письма к М. В. Вишняку, «З. Н. Гиппиус в письмах», были опубликованы адресатом в «Новом журнале»²³ в 1954 г. Письма Гиппиус в Клозон для напечатания были мне любезно предоставлены библиотекой Иллинойского университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Возрождение*. №№ 217-220. Публикация Т. Пахмусс.
2. Там же, № 221.
3. Там же, № 222.
4. *Выбор? Возрождение*, № 222 (1970), стр. 51. Публикация Т. Пахмусс.
5. Там же, стр. 52.
6. Там же, стр. 52.
7. Там же, стр. 53.
8. Там же, стр. 54.
9. Андрей Белый, *Четвертая симфония: Кубок метелей* (Москва, Скорпион, 1908), стр. 3.
10. *Contes d'amour, Возрождение*, № 210 (1969), стр. 58. Публикация Т. Пахмусс.
11. Антон Крайний (З. Гишпиус), «Вечный жид», *Литературный дневник: 1899-1907* (Санкт-Петербург: М. В. Пирожков, 1908), стр. 151-152.
12. Там же, стр. 152.
13. З. Гишпиус, «Вопросы жизни. Сборник», М., 1906. *Весы* (Москва, 1907), № 1, стр. 64.
14. Там же.
15. «Великий путь», *Голос жизни* (Петроград, 1914), № 7, стр. 13.
16. *Возрождение*, № 223 (1970), стр. 73-84. Публикация Т. Пахмусс.
17. См. «Дневник Зинаиды Николаевны Гишпиус — О Бывшем», *Возрождение*, № 217 (1970), стр. 56-78. Публикация Т. Пахмусс.
18. З. Н. Гишпиус-Мережковская, *Дмитрий Мережковский* (Париж, YMCA, 1951), стр. 165.
19. См. З. Н. Гишпиус, «О Бывшем», *Возрождение*, №№ 217-220.
20. Из писем к Н. А. Бердяеву, Temira Pachmuss, *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* (München: Wilhelm Fink Verlag, 1972), стр. 153,
21. Там же, стр. 784.
22. Ann Arbor, Michigan, Ardis.
23. Нью-Йорк, № 37, стр. 181-210.

le 10 Dec. 24

11 bis, Avenue du Colonel Bonnet
Paris 16

Милая Катя.

Очень думала о вас в день вашего Ангела, будьте покойны! И только ничего, кроме думанья, сделать не могла из за самого поганого гриппа. Он и до сих пор во мне сидит, — даже не знаю где, очевидно в ушах, т. к. совсем, еще на одну ступень, оглохла. Писать тоже не могу, а папироску никому не позволяю в третьей комнате закурить. Надеюсь на Тат. Ив.,¹ может быть она меня опять выучит курить.

Ольгу Львовну² целую крепко за письмо. Вас, милая Катя, целую вообще и в частности, и за будущее письмо, и за то, что вы — вы. Это очень важно!

А как ваш «Володя»^{2А} В каком положении? До каких пор написан? Иван Алексеевич,³ из боязни заразиться гриппом, изредка лишь показывает нос к нам. И все мечтает о Ривьере... Оттуда, кстати, и «легче бежать», как он говорит, а бежать — это «когда большевики возьмут Париж». Они уж почти берут... не во гнев вам будь сказано. Мпрочем, я-то не знаю, что уверяют все парижские газеты, буквально все, не исключая принадлежащих самому Эррио.⁴

Французы-то не верят... впрочем, и русские не верили в свое время.

А есть хорошие люди (и довольно серьезные), обещающие нам хорошие вещи между январем и апрелем... Будем надеяться.

Анна Ник.⁵ на фабрике не осталась и дня. Постоянной работы не нашла. Случайный массаж. Да и то — я не могу согласиться, чтобы неизвестные массируемые ходили для этого в мою квартиру, а она обижается. (Она была у в а ш е й Макл., католички, а не сестре Базиля.) Комнату найти с приемом — тоже нельзя. Нашла, было, одну за 300 fr., но в нее не пускали даже меня приходить!

Напишите, милая Катя, вспомните, что мы тут живем в холоде, в гриппе и в большевиках, а вы наслаждаетесь в тишине и солнце, так что будьте благожелательны и сострадательны.

Скажите О.Л., что Франсуаза⁶ ей шлет всяческие приветы, пристаёт ко мне с этим невероятно, т. е. чтобы я все о ней подробно написала. Очевидно, ждет поощрения и даже его жаждет.

Она его достойна, — недостойна я, не достаточно за ней смотрящая! В grippe уж совсем я все запустила. Даже самой стыдно.

Много еще чего напишу, когда ответите (если). А какие у вас вести из Москвы?

Приветы, поцелуи и любовная память!

Зин. Гиппиус

9 Янв. 25

Париж

Милая моя Катя.

Целую вас за письмо. Огорчалась немножко, что вы так наспех писали, и я не могла, сквозь наши строки, уловить конкретность вашей жизни; и должна вам ставить кучу вопросов. Первое — как вам пишется? С «Володей»⁷ и Сеной⁸ *où en êtes vous au juste?* Я очень подумываю написать о Сене, — ведь ее точно все сразу забыли! — да только все еще как-то не очень легко. А вы о Соловьеве еще осенью начали писать, неужели не подвинулось к концу с тех пор?

Не поняла я также, как у вас с Альбой. Неужели до сих пор нет ни электричества, но локатеров? Как вы справляетесь там? Дочь О. Л. с семьей — у вас ли еще, или они все уехали? Mère живет в Булурисе — неправда ли? Я даже предполагаю, где именно, если в Булурисе. Это самое упоительное место на всей Ривьере, знаю его давно, летом мы туда ездили специально, на горе, в сосновой роще. Там был когда-то английский тихий отель, теперь — *les Soeurs*, мы в роще даже встретили двух, таких приветливых. Напишите, были ли у нее.

Мы живем очень трудно; все gripпы, у меня увеличивающие глухоту, дороговизна растет, а денег меньше. Д.С. сплошь работает, мы почти нигде не бываем, никого не видим. Я бросила свои романы, старалась что-то царапать в газеты, но такие выходят все гроши — даже стыдно. Немного у Милюкова⁹ настукать, да еще с gripпами. А нас пять ртов, и уж не знаю, что выгоднее: литературой ли мне, или хозяйством заниматься? Подумать, ничего в Россию еще не могла послать! У Аси есть один маленький массаж, рано утром, а потом она целый день уже ничего не делает. Впрочем, она очень много бывает в церкви, ей нужно свободное время, и не все предложения работы ей, ввиду

этого, подходят. На праздниках она ездила, как вы знаете, в Камбре. Говорит, что там, без *mère*, довольно уныло.

Манухины¹⁰ тоже очень замкнуто живут. Т. Ив. так усиленно работает над своим романом,¹¹ что даже стала себя плохо чувствовать. Но кто работает, и кто бледен — это Вера Николаевна.¹² Ведь у них даже *de ménage* нет, и очень плохи дела. На них смотреть к своему чужого еще прибавлять, просто беда. В. Н. почти ничего не ест, одну простоквашу, только Ив. А-ча кормит. (Я бы, между нами говоря, тоже с радостью не ела, кормила бы Дм. С-ча, но не есть, чтобы кормить и Володю еще с Асей — уж как-то не хочу... Впрочем, обо мне не речь, а Вера-то Николаевна с ее малокровием... Они, конечно, об этом вам не пишут, смотрите, не выдавайте меня!)

Ну вот, все одна печаль, и вы, пожалуй, посетуете на меня за ясное — но грустное письмо. За то я посылаю вам и Ольге Львовне стихи, которые я вдруг, в печальную минуту поздней ночи, написала... «маленькой Терезе!»¹³ Милая Ольга Львовна, которая Терезочку так любит, почувствует, что эти р у с с к и е слова к ней — искренны. Да и вы, моя Катя, в этом не усумнитесь, неправда ли?

Целую сердечно вас обеих, и вместе — и отдельно. Горячий привет от Дм. Сер-ча.

Ваша Зин Гиппиус

Франсуаза шлет à Mme de Mont Fleuri et à la Soeur Catherine mille bonnes choses и т. д.

29-1-26

Paris

Милая моя Катя! Получила ваше письмо, очень меня обрадовавшее (видела сегодня и Амалию,¹⁴ все про вас говорили) — отвечаю кратко, ибо у меня новая беда: что-то сделалось с глазом, — *mouche volante* и молнии, так что пошла к доктору, он мне прописал глазные ванны, капли (сказал, что это не скоро — но пройдет). Теперь могу чуть-чуть писать лишь на темном и в темноте читать почти совсем не могу, — вот жизнь веселая. Кроме того, насчет моей коси́ны, доктор сказал, что мои глаза «font un mauvais ménage», не желают работать вместе, хоть ты что! И прописал мне совсем одноглазый лорнет или — монокль! И ни за что — очки. Впрочем, для писания дал двойное *pinse-peuz*, слабое, т. к. глаза только в д а л ь не желают ра-

ботать вместе! А в общем сказал, что у меня глаза «совсем не плохие»; ссора же меж ними давняя и так! Но сейчас очень скучно. И вы не рассердитесь, моя драгоценная, что я не продолжаю. Я хотела вам только сказать, что я и не думала «писать о Сол. [овьеве]»,¹⁵ с чего вы взяли? Я лишь в п и с а л а в статью об Ильине,¹⁶ когда она нашлась, о в о й н е, при чем воспользовалась тем томом Соловьева, который, помните, вы мне дали в Альбе уже п о с л е того, как я отправила статью, еще я жалела, что раньше не видела. Оттуда я взяла несколько цитат о войне и казни, и *c'est tout*. Книгу достала у Цетлиных.

Спешу кончить, целую вас без счета, страшно радуюсь, что вы сами прекрасно поняли, что я вам от себя писала. Именно, именно не то! И нет греха это видеть, скорее грех не видеть или из ложного «смирения» себе не сознаться.

Евлогий* говорил, что мат. Вера — совсем «недуховная» водительница. Однако, он хочет вам еще какую-то — схимницу — подсыпать. Говорю со слов Тани. Ждите.

Т. И. и И. И. уехали в Шартр. Но завтра должны вернуться. Мы только с ними и видимся.

Целую еще раз моих родных и прошу написать, ввиду моей немощи, extra!

Любящая Зина Г.

27 Апр. 26 Вторник Страстной
Париж

Милые, дорогие, неоцененные
Ольга Львовна и Катенька!

Поздравляю вас с наступающим Светлым Праздником, а только что он наступит вспомните, что я вам обеим говорю Христос Воскрес и тут же вас троекратно лобызаю. Я так поняла, что вы проведете праздник на Альбе, в подземельи — и в церкви Каннской, — неправда ли?

Но я тоже поняла, увы, что прежняя наша прелестная жизнь на Альбе не повторится. Вы, дай Бог, чтобы изредка покидали ваш Клозонский трудовой рай, и той тихой, светско-монашеской, созерцательной жизни у нас с вами, Катенька, не будет. И Ольги Львовниной, невидимо-реальной, нежности не будет, и живого

* Митрополит Евлогий.

примера ее деятельной мужественности, и мудрых ее слов и умных разговоров — тоже. Но что-нибудь из всего этого, хоть точкой, хоть тенью, будет, — ну, значит, и дай Бог, и за эту надежду спасибо. За вас радуюсь, что дело у вас пошло. Вот что значит терпение и воля!

Насчет печального обстоятельства с Мари, не такая уж беда, хотя и жалко очень вашу выученицу. Но мы привезем Франсуазу, я с ней уже говорила. Спать она может там, где спала Мари с девочкой (которой нет). Мы все равно привезли бы Франсуазу и надеялись на нее и на Мари вместе. Но, конечно, надеялись и на присмотр Ольги Львовны, кроме же того — Франсуаза в июле-августе должна быть у родителей (а, пожалуй, и в сентябре). Тогда мы и думали взять Маделену. Словом — таково положение дел, и я еще в них не разберусь. Перспективы для меня лично неутешительные, ибо здесь с Франсуазой я кое-как справляюсь, хотя она меня явно обдувает, и уж день мне стоит редко 30 fr., а 40 и 47 зачастую. А ведь здесь дешевле, чем у вас, и вообще train Альбы таков, что нужны два зорких глаза, у меня же — ни одного. Что касается Анны Антоновны — то О. Л. сама знает, какой у нее «размах», да с Франсуазой они, в конце концов, поссорятся. А когда Фр. уедет, тогда что? Простите мою беспомощность, но я должна долго думать, чтобы иметь в перспективе какой-нибудь план. Я надеюсь, конечно, что все посылно устроится и надеюсь на совет, и соображение, и вообще на всестороннюю гениальность О. Л.-ны. Франсуаза не плохая девушка, и характер у нее стал недурной, но О. Л. ей была бы весьма полезна, ибо у нее есть нюх ко всем людским слабостям, кои она тотчас волшебным образом исправляет. Не могу поклясться, например, но подозреваю, что Фр. имеет слабость к рюмочке. Что, впрочем, соображения больше Володи...¹⁷

Володя у нас совсем закис, — со своим носом, во-первых, вот два месяца, как жжется, и в грандиозном, каком-то нечеловеческом, насморке; во-вторых — обнищал и оборвался, все это в самом буквальном смысле. Наши же дела идут туго, все дорожает по часам (знакомая картина!), гонораров же не прибавляют, и я, хотя пишу не прерывая работу н и н а о д и н д е н ь, едва могу выстукать 500 fr. в месяц, из коих 360 идут немедленно в Спб.,¹⁸ а остальные 140 — и сама не знаю, куда, но только не на меня. Вообразите, у меня пополам развалилась ширма у постели; на ней еще цела этикетка — 15 fr 75. А когда я спросила там же, точно такую же, — на ней этикетка 225 fr!!

Три утра я вышивала шелком, на дырах старой ширмы, не все зашила, а склеить ее до сих пор не могу!

Пишу вам пустяки, и спешу, подождите, скоро напишу длинно и толково. Бунин поправился, завтра должен был уехать из больницы — к Цетлиным¹⁹ пока, но сегодня я узнала, что у Цетлиных больные, и не знаю, что дальше. Я очень рада, что Бунин сделал операцию, он все время болел, и вид у него был очень плохой.

Родные, целую, обнимаю, очень много имею еще сказать вам, даже делового, но еслиб Катенька хоть поцелуй мне прислала своей ручкой, я бы знала, что она на меня не сердится за мое подневольное черканье!

Низкий поклон от Д.С. Приедем в мае, как только будет возможно.

Ваша Зин. Г.

(Без окончания)

5 Августа, канун
Преображения 26 г.
v. Alba.

Дорогая моя Катенька. Во-первых — простите меня, что я не сообразила, как вам и О. Л. будет неприятно, что Ася остановилась в вашей комнате. По правде сказать, я не придавала ни малейшего значения тому, что Володя поместил ее туда, а не в Франсуазину; тем более, что предполагалось это на две-три ночи, а в Ф-ной ее вещи и Маделена гладила. Беспорядок тоже не пришел мне в голову, да я, там бывая, заметила его лишь в последний день, когда Ася уже перешла в Фр., т. е. не Аси, а у Стар., что вполне естественно и неизбежно с ребенком. И я только после записки О. Л. сообразила, какого я дала маху, да и Володя, не поместив Асю сразу в прислужью, а в вашу, чего О. Л. даже и вообразить не могла, — и вы, очевидно. Эта несообразительность — моя вина, а в этом вы меня, милая Катя, простите.

Что касается остального, то я с первого слова сказала, что ни в чем этом не разбираюсь, действительно никак не вхожу, и определенно желаю ограничиться своим мнением абсолютно сторонним, т. е. как бы «литературным» и вполне «детшированным». Только его я и могу вам высказать, и будет оно совершенно такое, как бы меня вообще не существовало на Альбе. Воло-

де я сказала, что никаких, ни в какую сторону, он советов от меня не получит, кроме одного: что бы он ни думал, что бы ни делал, нужно делать мягко, разумно и вежливо до нежности. Конечно, для этого нужно бы понимать О. Л.²⁰ так, как я ее понимаю, — во-первых, — а затем нужно еще иметь то положение личной незаинтересованности, какое имею я.

Теперь, милая Катя, если вы верите в мою «объективность», то я вам скажу, что я этими объективными глазами вижу.

Я вижу, что О. Л. начала большое, прекрасное дело, которое ей свойственно, которое никто, может быть, не сделал так хорошо, как она, ибо не обладает ни ее душевными качествами, ни ее энергией. Это воистину **ее святое** дело. (Помните, милая, что я все — и письмо, и литературу — пишу, стараясь найти слова **точные**, и никак не говорить даром. Если я говорю «**ее святое** дело» — значит так и думаю, такие слова из других выбрала.) Но это дело — **не** Никольская Община. Никольской Общины фактически нет, по каким причи

23 Авг. 26.

v. Alba.

Катя милая моя, хочу вам покаяться и признаться: получив ваше письмо, я все-таки подумала: да, да, а не случись этих неприятностей, я бы от Кати строчки не получила, а тут два длинных письма! Ведь какие они ни будь, — все же радость!

Это легкомысленно, но за то я поняла, что вы в моем сердце крепко поселились. А я — верная, и уж хоть вы от меня трижды три раза отречетесь, это нисколько на меня не повлияет.

Если я говорила, что Ник. Об. нет, то я говорила исключительно в плане реальности и данного момента. Мы же часто говорим теперь, и вы сами говорили, — «нет России». **Нет**, потому что СССР, потому что большевики, потому что мы, **реально**, не можем же с ней соединиться, и по многим, многим еще «потому». Но, говоря так, — и правильно говоря, — мы в то же время знаем: Россия есть и никогда не прерывала своего истинного **б ы т и я**, хотя, на некоторый период, и прервала его реально. Что же тут может быть обидного для России? И что обидного для Ник. Общины, если мы поставим ее тут в аналогию? И в чем, вы думаете, я вас не понимаю?

Что касается Володи, то я несколько не одобряю ни его писем, ни того, что вы называете его грубостями; но я учитываю его н е у м е н ь е никогда ничего выразить, его косноязычие и бессилие; ничего не поделаешь, такой он есть. Он со мной также прикрыт, точно связан. Но я-то знаю это, и знаю его отношение к О. Л.; и без его недавнего, глухого, напоминания помню, что в прошлом году было, как он с собственной матерью навеки в н у т р е н н о расстался, потому что стал на сторону п р а в д ы, — на сторону Ольги Львовны. Я знаю, что все теперешнее ему тяжело достается, что он не спит целыми ночами, — но я с ним об этом не могу говорить, т. к. сразу решила, что будет лучше, если выяснится между вами все без меня. И повторяю: я его ни оправдываю, ни обвиняю, я только показываю, как оно есть, а судить не хочу.

Вот один факт, о котором я совсем не знала: в контракте Альбы, между прочим, сказано, что Володя «может сдавать дачу, с тем условием, чтобы в подвале жил кто-нибудь из х о з я е в дачи». И теперь В. думает, как сдать ему на зиму эту дачу, если подвал будет или вовсе заперт, что́ еще лучше (хотя я не понимаю, почему лучше, раз там отопление) или будет периодически населяем то приезжающими из Клозона, н о в ы м и, постояльцами, то уезжающими? Сдать же ему дачу вполне необходимо, так как это последний год, и если она не будет сдана, то и переехать с нее он не сможет, т. к. не сможет и заплатить. С матерью у него счета кончены.

Вот, Катюша, вы видите, я в этом ей-Богу не разбираюсь, за что купила, за то и продаю. И опять пишу вам просто, не входя в рассуждения.

Мне странно, что вы можете мне упоминать о «добрых словах» насчет О. Л. И опять я думаю, что не то что добрый человек никаких, кроме добрых, о ней не скажет, но и дурной тоже не сможет; разве несведущий или ослепленный. Многие и хорошие, не глядя в эту сторону, могут не видеть; а стоит увидеть... Вот, хотя бы, Ася (только это *entre nous*, пожалуйста): я приписывала два слова в ее письме Т. Ив., и письмо это (которое она не давала мне специально читать, но и не запрещала) — все такой дифирамб О. Л.-не, и притом такой трезвый и зрячий, — что я невольно порадовалась (за Асю, конечно).

Не сердитесь же на меня, моя Катенька, и не волнуйтесь, будьте, главное, здоровы. Опять не скрою: часто мне жаль, что вы теперь ничего не пишете: Соловьевы-то хорошо у вас, в кон-

це концов, вышли, о ч е н ь х о р о ш о. Самое интересное во всей книжке. Всем нравится, но я такая гордячка — ценю и то, что это м н е нравится.

Целую вас нежно и О. Л. Храни вас обеих Господь.

Ваша Зина

20 Дек. 26.

11 bis Av. du Colonel Bonnet
Paris 16^e

Родная моя Катя. Спасибо вам, душка моя, что несмотря на мое столь наглое, с виду, молчание — верите в мою память и любовь. Еслиб еще я могла обманывать себя и думать, что когда люди долго не общаются — они не о т в ы к а ю т друг от друга! Но они отвыкают, и, даже не забывая друг друга — ф и з и ч е с к и, как-то, отдаляются, уж такова природа человеческая. Я в этом отношении стойче других, но и я «покорна общему закону», а уж вы-то, наверно, от меня «отвыкли», хоть сами не замечаете.

Я ужасно этого не хочу, а потому решила вам часто писать и всячески от вас того же требовать, не взирая ни на что. Но вы-то, милая, как много мне написали, все дело, значит, за мной.

Сначала я вам поясню, в каком я была состоянии до последнего времени.

В первые же дни после Альбы — отчаянный грипп две недели (а два месяца, вот, его последствия: постоянный насморк, непроходящий, и кашель). Как только нашлась моя статья об Ильине, — помните? — я, не взирая на это скверное мое состояние, достала тот том Соловьева, который читала у вас в последнее время, и принялась статью со второй трети всю переписывать, включая туда предлинного Соловьева с войной. И даже завела ум-за-разум, пока не кончила. А кончила всего 2 дня тому назад, еще не знаю, что Вишняк²¹ теперь, начнет или не начнет кричиться...

Все за это время на меня переобижались, ибо я ни на одно письмо не отвечала и никого почти не видела. И столько скопилось н е д о д е л а н н о г о, нужного, что хоть рукой махни.

Тат. Ив., впрочем, видала. Она уж вам написала! Здесь о вашей матушке разные мнения. Я из вашего письма вижу, что она матушка как матушка, и вас, Катя, приструнила. Но я вижу,

сама уж по себе, что вам вовсе «не добро» быть инокиней. Кто во что вмещается. Не вы иночества вместить не можете, а оно — вас (какое оно сейчас есть), а если начнете насильно «вмещаться» в него, то придется вас со всех краев обрезать, и обрежется такое ценное, что, может, и нельзя, греховно даже, отрезать от себя. Так мне кажется. Тат. Ив. думает (это она — не зная), что иночество, будто бы, ш к о л а, можно поступить в школу, пройти курс и выйти с дипломом закаленности, духовной выдержки и т. д. А в сущности это не так; иночество — **последний** подвиг, во всех случаях: **святой** для предуказанных (для вмещающихся) и не святой (потому что насильнический) для тех, кому надо ценное свое уничтожать, любовь ли действительную, то или другое Божье дарованье... Во всех случаях он труден, но для не предназначенного к нему — он еще источник фальшивой гордыни, в конце концов: вот, мол, как я силен, все сумел от себя оторвать, не рассуждал; чтож, если даже и другие мне Бог дары послал, а я, вот, сумел от них отказаться!

Это я вам по своему разумению пишу, а, может, конечно, и ошибаюсь.

Нисколько не подозревайте меня в «снисходительности» к вам (насчет Соловьева), — я этого н е у м е ю. Мы правда, наспех его тогда читали; (вы же виноваты), еслиб время — можно бы подумать о большей стройности и больше выкинуть; можно бы даже и так, что решить какого-нибудь вопроса в д а н н о й статье вовсе не касаться, например, его отношения к католич. (громадный слишком вопрос), но все-таки все, что я вам тогда говорила — остается, и мне жаль, что Илюша²² без толку требует выкидок. Напишите мне, в каком же виде вы его отдали, наконец.

Был у нас Ляцкий,²³ мы ему расхваливали Клозон, в конце концов он даже теперь туда хотел отправиться поглядеть. Но я то думаю, что ему там уж и места нет. Где же? «Монастыря» он не боится. Нынче был в Риме, общался с монсиньорами, в восторге от их «культурности» и библиотек. С одним раз до утра говорили. Они его соблазняли поступить в монахи и клялись (хитрые), что все оставят ему, что он любит, и книги, и литературу... Хотя, может, и не хитрые, может они как-то это понимают и могут... Но Ляцкий все-таки сказал, что раз его комната будет называться «кельей» — он из нее станет рваться вон... Впрочем, Ляцкий мне довольно понравился, на этот раз. И даже Бунину.

О Буниных вы, верно, все уж знаете от В. Н., больше, чем мы. Он в делах, в гостях, в болезнях, в **Возрождении**,²⁴ — к нам

заглядывал редко (вчера был). Да мы и здесь живем почти как на Альбе, только вечером — вы не приходите поговорить! Нет дня, когда бы мы вас и драгоценную Ольгу Львовну не помянули нежным словом. Я знаю, что она будет читать это письмо, и в этом месте целую ее изо всех сил, и Дм. Серг. кричит мне из другой комнаты, что и он тоже. Как она хорошо Альбу с постояльцами описала, так все в и д н о, словно на картинке. Ну, и вы, Катенька, — с вашими мечтами в голом саду — а тут, как снег на голову — аббесса! Признаться, я порадовалась, что она не летом приехала, а то бы я вас как ушей своих не увидела за чаем с леденцами, да еще порою — с *Sourire!*

Ольга Львовна, вы забыли маленькую Терезу, а как вышло странно со мной: мне было очень скучно и тревожно почему-то под католическое Рождество; я все думала о Терезе и даже опять стихи ей писались в эту ночь... Ну, и так прошло, а на другой день утром — вдруг Дм. С., вернувшись с прогулки, уже д о м а, нашел на полу, в коридоре, крошечную маленькую, точно детскую, медальку Терезы с а н г л и й с к о й надписью «I will spend my heaven»... и т. д. Он думал, что это моя, а у меня такой никогда не было, я даже и не видала английской. У Франсуазы тоже не было ничего подобного, и никто у нас ни в этот день, ни накануне, не был. Как-нибудь это физически объяснимо, конечно, однако мы объяснения не знаем, и в том, что не знаем и не можем знать — есть добрый смысл. Я вдела в медальку, такую скромную, шелковинку, и повесила ее на портрет Терезы. Стихи рождественские я, если хотите, вам пришлю, они начинаются так.

Сегодня имя твое я скрою,

И вслух — другим — не назову.

Но ты услышишь, что я с тобою,

Опять тобой — одной — живу...

и т. д.

Милая Катя, очень много написала, пора кончать, а десятой доли не сказала того, что нужно бы. Ну, до след. письма, я обещала писать часто, если буду здорова. А вы пришлите хоть открыточку. Что-то у вас? Что внук О. Л.? Бываете ли когда в милой Альбе? Что дети Оболенской? А о. Владимиру низкий поклон и просьба о благословении. Вас и О. Л. бессчетно раз целую. Хр. с вами.

Зина

Завтра 8 Янв. — столько-то лет нашей свадьбе, уж даже не знаю — сколько, 38 или 36. Хоть бы еще столько же, и то ничего. Аня очень исправилась, по-моему.

Володя грустный, материнские долги платит до сих пор. Но хорошо, ничего.

Villa Tranquille

Le Cannet A. M.

18-7-27

Милая Катенька, что вы обо мне думаете? Я — думаю о вас огорчаясь, что вы так близко, а я никогда вас не вижу. Вы бываете в Каннах, вы бываете у Бунина даже, но у нас — никогда. Что изменилось? Не я, во всяком случае. Я отношусь и к вам и к О. Л. совершенно так же, как раньше, с тем же удивлением, уважением, нежностью, а главное — с пониманием обеих вас, очень разных и очень схожих в чем-то. Я совершенно не хочу, чтобы вы были такими, какими я хочу, а какими вы хотите быть, и есть; считаю, что это всегда самое лучшее. Если я жалею, что вы, Катя, бросили писать, то, ведь, как же не жалеть об этом? Но и тут я понимаю, что есть и *force majeure*, да ведь и будут еще другие времена, я надеюсь!

Сейчас и я ничего не пишу. В *Посл. Нов.*²⁵ совесть не позволяет, рука не подымается, а больше некуда; и сделалась я безработной. Перешла на иждивение Д. С-ча. Здоровье не важно, за зиму устала, похудела, как нитка, а здесь еще хуже, и есть ничего не могу. О настроении, при всех обстоятельствах, лучше и не говорить...

Но не стоит предаваться греху уныния, и за то, что есть — слава Богу. У вас, как я слышу, все идет хорошо; за то и дела, должно быть, по горло. Скоро именины О. Л. Поздравляю ее с наступающим днем Ангела. А вы, Катенька, если будете вблизи, неужели так и не заедете? Ася недавно писала мне. Она очень вас любит. Когда, в августе, приедет ко мне, — непременно, говорит, буду и в Клозоне. Наша дача удобнее Альбы, только очень уж вокруг неприглядно, ни травки, ни кустика, бурьян и камни.

Целую вас крепко-крепко, и О. Л. так же.

Ваша Зина

15 Марта

Вот, друг мой, как ни за что ручаться нельзя! Написала, что «завтра» кончу письмо, а какое там завтра! На завтра я и с постели не встала, — от гриппа, сразу меня схватившего. И так прошла почти неделя. А сегодня, как я ни хоронилась, и у Д.С. начался насморк, — я его заразила. У меня-то все бросилось на уши и на голову; горло прошло, но уши для меня хуже.

Вообще — должна вам сказать, что эта последняя неделя так тяжела была для нас во всех отношениях, что я лучше в рассказы вдаваться не буду. Т. к. выясняется, что Володя какие-то признания будто бы делал О. Л-не в Клозоне, то и не для чего мне эти ужасы повторять. Самое тяжелое — атмосфера его лжи,²⁶ которую я определенно чувствовала, осязала, предупреждала Дм. С-ча; но Д.С. очень доверчив вообще, моих догадок и слушать не хотел. Когда ложь и обман уж явно начинали вылезать, — я добивалась частичных признаний, и то лишь страхом. В эту неделю дошло уж и до предела; я несколько дней носила все одна, но пришлось, к сожалению, сказать Д. Серг., о чем жалею и волнуясь за него, так это на него повлияло.

Я не знаю, впрочем, что говорил Володя Ольге Л-не, чего не говорил, и не хочу все это ворошить; — хотя нельзя, так как момент уж очень тяжелый; а сознание иметь около себя человека, которому 10 лет верил, и который тебя же...

Бросим, однако, есть и другие беды. Вы сами мне пишете о Милюкове, — какой ужас, если вы читали его лекцию! А мы на другой день у Манух. его видели, и просто больны сделались. О лекции, конечно, не говорили ничего, но я почти смотреть не могла без содрогания на него. А тут он еще и распоясался, мол, ничего моего печатать не хочет (боится). Буду, мол, то печатать, где «ваша личность не просачивается!» Какое оскорбление писателю, художнику ли хорошему ли... И мы с Дм. С. решили было, что я подожду, ничего ему не дам пока, не стану приспособливаться, и сообщницей его советофильства пока не буду... Но теперь все повернулось, если я не выдумаю чего-нибудь для него, и сейчас же, — ведь 15 Апр. терм, и не хватит заплатить. Хорошо, что я сказала Д. С-чу о несчастье лишь тогда, когда он кончил ту часть книги, которую писал с Клозона (я ждала). Да и то он теперь опять завел разговор о том, что придется ее бросить... Я протестую, но для этого должна с косточками продать себя Милюкову...

Видите, какое гадкое продолжение письма у меня вышло! И даже не продолжение, а окончание, так как я много в гриппе писать не могу. А он далеко не прошел: я, вот, неделю не только папиросы видеть не могу, но даже и чужого дыма не выношу совсем.

Дела и устройства здешние — ни одно не устроилось. Володя б о л е н (но не гриппом). Тат. Ив. давно не видала, Ив. Ив. не пускает ее в гриппозный дом.

Катенька-друг, родная моя, простите за гадкое письмо, помолитесь за нас, и чтоб следующее написала я вам не такое, а лучше. Мне — мало, что нужно; мне только нужно, чтоб другие, кругом... и те, вдалеке... Ну, вы понимаете.

Ася отошала, кормлю пока. По вторникам. По пятницам она у Т. Ив.

Обнимаю вас и Ольгу Львовну, обеих, крепко.

Христос с вами

Зина

28 Снт. 27 (?)

Paris

Милая моя, родная Катя! (Так давно не писала вам, а не только не отдалилась, но совершенно как бы с вами. Я знаю, что вы меня скоро и надолго возненавидите, будете по христиански бороться с этим чувством, и все-таки не поборете, ибо это чувство — естественное... А потом пройдет, ничего. Я сознательно приняла сей жребий от хитрых редакторов, которые решили умыть руки перед вами. Вишняк мне категорически объявил, принеся вашу рукопись: «или из нее должно выпустить лист (40 т. букв), или вещь с о в с е м не будет напечатана». Я две недели старалась хоть сама отвертеться (эгоистически, чтобы вы меня не возненавидели), но ничего нельзя было поделать: вышло так, что если я за эту ампутацию не возьмусь, то, в лучшем случае, они примутся за нее сами, притом «механически» и притом «на досуге», т. е. в ближайшую книжку она все-таки не попадет... Я рассудила, что во-1-х: вам лучше получить 600-700 фр., чем ничего; а во-2-х: я все-таки сделаю с любовью, скрепя сердце, но не «механически». Et voilà: ровно лист вычеркнула (по моему расчету) и принять на себя временное негодование автора

— готова. Я думаю, что весь остаток (как путешествие в Черногорию) можно переработать, и он не пропадет. Но это, конечно, потом, когда заживет авторская рана от вот этой операции.

Илюша требует присылки рукописи ему, что я и хотела сделать уже 3-4 дня тому назад (уже была готова), но через гие Vineuse, так как портфель большой, и почта — ихнее дело. Послала Володю с портфелем и с письмом к Вишняку, чтобы он уж нос не совал, а только техническое дело сделал — отправил рукопись в Грасс. А тут оказалось, что Вишняк уехал в Лигу Наций!!! И Володя принес рукопись обратно. Я подожду чуть-чуть, а если Вишняка из Лиги Наций не выпустят — пошлю рукопись Илюше собственными средствами. У меня была Татьяна, когда Володя принес портфель; я на свой страх решила дать ей почитать до завтра (она очень хотела), тем более, что в полноте лишь теперь может прочесть: я зачеркнула предназначенное к выпуску легко, карандашом. Когда вы поедете в Грасс (как Илюша предлагает), чтобы с ним вместе проглядеть, вы, может быть, что-нибудь еще и отстоите. Но я — вы знаете, Катенька, мою слабость ко всякой краткости! — должна прибавить, что по-моему вещь не так уж много потеряла; она не везде «сдвинута» (это может только автор сделать), кое где — «выгрызена»; но все-таки ничего, и остается (как все находят) у ж а с н о и н т е р е с н о й.

Вот вам точный и добросовестный отчет в моем преступлении против Ельцовой.²⁷ А там, уж когда она меня помилует, — дай Бог поскорее.

Теперь, дорогая, несколько слов о другом. Всего несколько слов, потому что с писанием у меня не важно: глаз гораздо лучше (хотя не вполне прошел), но сделалось что-то с правой рукой: Ив. Ив. говорит, что подагра, но Ася уверяет, что Ив. Ив. не специалист по подагре, а это я очень руку натрудила, оттого с мизинца вниз так и болит, до косточки. Советует писать — левой рукой! Точно это так просто! Я на всякий случай, принимаю подагрическое лекарство (Т. Ив. — тоже), а не писать никак нельзя! Вот и вертись.

Очень много бы хотелось рассказать, но больше хочется знать о вас: ничего давно не знаем, и владыка еще путем ничего не рассказал. Поэтому, Катенька, прошу вас и низко кланяюсь, пока вы еще не видели оперированную мной рукопись и не успели меня возненавидеть, напишите мне о б о в с е м, о вашей жизни и внешней, и внутренней, о чаяниях и надеждах, о дости-

жениях, мечтах, удачах и неудачах. Мои мечты и Д. С-ча, — опять как-нибудь поскорее удалиться к вам под сень струй. А то в Париже повернуться некогда, пишешь только по ночам. Я по воскресеньям собираю литературную молодежь, за мной и Цетлины²⁸ что-то хотят, а тут собрания в Звене,²⁹ а потом еще французы да шведы, да и всякого еще народа. Бунин совсем от нас отдалился, никогда не бывает, а на собраниях у Цетлина сидит надувшись на весь мир, потому что центром его себя не чувствует. Может, он знает что о вас (ведь скоро вы его в Клозоне увидите), но мы-то не знаем, а потому и повторяю свое умолянье написать мне поподробнее и поскорее. Т. Ив. ко мне присоединяется. И про дорогую нашу Ольгу Львовну до мелочей все напишите.

Я, пока что, обругала Ильина в **Посл. Нов.** и привела то, что слышала от вл. Евлогия³⁰ о нем: «военно-полевое богословие» и «палачество». Ильин же обозлился, в гордыне своей, и, понося меня (а мне наплевать!), говорит это «плоские шутки» (я Евлогия не назвала), за то «меня, в моем «христианстве», поддерживает Антоний Волынский,³¹ и еще какой-то Анастасий,^{31А} и еще кто-то»... Так что я владык даже поссорила...

Ася возится с подворьем,³² Вениамином³³ и «старцем», более ничего знать не хочет. Но молодец, работает, выкручивается, а порой и голодает. Как стало безумно дорого, даже страшно! А гонорара не прибавляют.

Целую, обнимаю, более далеким сердцу моему — привет.

Жду ответа.

Ваша всем сердцем

Зина

2-1-28

19-12-27 Paris

Дорогая моя, любимая Катенька!

Без конца вас целую, крепко обнимаю, а также милую Ольгу Львовну; поздравляю вас обеих с праздником рождения Света, Христа Спасителя. Будьте здоровы, — а бодры вы и так будете, знаю.

Ужасно я огорчилась, что мы с вами здесь не успели ни разочка увидеться. Приехав, я сразу впала в грипп; к вашим именинам

сделалось мне лучше, собралась к вам ехать днем, но пришла Ант. Вал. и сказала, что вы «скрываетесь». Лишь вечером увидела Володю, от которого вы и не думали «скрываться»! Словом, вышла чепуха, и я до сих пор в каком-то неприятном огорчении.

Если захотите очень меня обрадовать, напишите как-нибудь мне хоть немножко; я буду знать, что вы меня еще помните и верите, что я часто о вас думаю, и с громадной, притом, нежностью.

Живем мы тихо, — в газетном болоте только шумим, и так это надоело; по привычке отругиваешься, да и следует иногда, но хотелось бы что-нибудь по существу писать. О Сене, например, все больше подумываю. Как-то во сне ее видела.

Холодно ли у вас? Или солнышко греет? Ну, здесь, вы знаете, не очень то оно показывается...

Д.С. кланяется низко вам и Ольге Львовне. Поздравляет с праздником и с Нов. Годом. Я, и кончая, сизнова вас целую.

Всегда ваша

Зина Г.

[Без окончания]

11bis Av. du Col. Bonnet

Paris 16^e

11-3-28

Христос Воскрес, милая моя, бесценная Катенька! Целую вас трижды, а потом и еще, вообще. Также и дорогую Ольгу Львовну, обеим вам посылая мое сердечное радование о вас.

Катя, вы не будете сетовать на меня в сердце, что я не ответила вам на такое ваше дорогое для нас письмо, когда узнаете, что я не выхожу из болезней, а последнее время так, что даже у Ив. Ив., освещаюсь. И даже болезни какой-нибудь одной нет, но я незащищена от ряда всех разнообразных мелких, и как схватит грипп или жаба, так и не выпускает из когтей. Мое переутомление не меньше вашего, но совсем другого какого-то порядка; ваши дела и труды явные, а у меня мои (писания) просто словно и чепуха, по результатам, однако сил много берут. Ив. Ив. сердится на вечный «пост», на нелепый мой вес и худобу и грозит, что это плохо при «слабом сердце». Но и сердце-то мое слабо тоже по другому, чем у вас: у вас хоть «давление», а у

меня даже слишком его нет: 15! Ну да Бог с ними, с болезнями: кстати, вы уж поправились, а я тоже понемножку, а там посмотрим. Спасибо вам на добром слове, Д.С. радовался и просил меня тогда же вам ответить поскорее и поблагодарить. Здесь как-то все точно потеряли точку опоры, и когда осмелишься сказать им правду, самую простую, выходят из себя и заговариваются. Особенно ваш Ильин (что у вас осенью гостил), еслиб вы читали, какими «христианскими» ругательствами он осыпал меня и Д. С. в газете Керенского, **Днях!**³⁴ Он там услужает социалистам. Уверяет, это мы поем «против церкви», потому что не хотим вести «политику любви» митр. Сергия, т. е. признавать большевиков. Какая-то моральная аберрация! Надо сказать, что теперь это в «левых» церковных кругах такое уж течение. А мы уж за нашу политическую и религиозную непримиримость считаемся ныне «правыми» и еретиками сугубыми. Читали ли вы статью С-ча «Черта крови»? Если нет — вам пришлю. Его все были недовольны. А вы, я уверена, увидели бы там правду. Там (без имени) говорится и о знакомом вам Федотове.³⁵

С радостью за вас читала ваше письмо к Тат. Ив. Вот как вам благолепие дорого, и хоть много трудов, а ведь разве не радость, что так все удалось хорошо? Каков теперь

19-8-28

Château des 4 Tours

Thorenc (A.M.)

Несравненная моя Катенька!

Давным давно собираюсь писать вам, но столько имею сказать, и все больше каждый день, что уж, вижу, не справиться, и решила отложить до свиданья, пока же просто перекинуться словечком и поцелуем.

Но первый поцелуй — Ольге Львовне, за сегодняшнее ее милое письмо. Затем — радость о преуспевании Клозона (это вам обеим), а затем два деловых слова: очень благодарю за уют Аси, на которую я, вернувшись в Cannet, пришлю вам тотчас 300 fr., и вы держите ее столько, на сколько этих денег хватит, пожалуйста не больше. К беде моей я последние месяцы стала безработной, оттого и могу послать так мало (ведь другим сестрам в СПб надо!) За напечатание в **Нов. Корабле**³⁶

(без гонорара) п р а в д ы о Корнил,³⁷ Керенском и с-срах — **Совр. Зап.**³⁸ меня исключили (Амалия даже вообще со мной 20-летние отношения порвала), а **Возрожд.** такая поганая лавочка, что вот 4 месяца меня не печатает. Ну, авось все таки так навеки не будет, но сейчас такая полоса. Если раньше она кончится, чем я думаю, тогда я вам на продление Аси еще пришлю. Но пока я рассчитываю так, чтобы у меня было и чем оплатить ей обратную дорогу. Я Асе обо всем этом уже писала. Наконец, когда ее ресурсы у вас кончатся, она может спуститься к нам, — в том случае, если у нас никого не будет и мы не уедем в Белград.³⁹ Очень же ей засиживаться вообще невыгодно, в прошлом году, по словам Т. Ив., она «все ноги пропустила».

Затем — расскажу вам, где и как мы живем. Это и ужасно, и прекрасно. Наш замок, его «стильность» и степень разрушения притом — нельзя вообразить. Он — на скале и в скале высечен, в 1528 году. С этого года и по сей принадлежит тому же роду, **Tanton d'Andon**, которая в тесном родстве с родом **Sartout**. Но насколько тот замок прекрасен — настолько здешний находится в разрушении. Хотя они миллионеры и все вокруг ихнее — отпрыск фамилии брюхастый фермер, а старые барышни — предел провинциалок. Драгоценная кожа, которой обита их столовая, висит кусками, темные каменные лестницы — прохожены, стены мшистые, а пол — как улица Ренуар. А что у нас, в наших башнях, наверху! Клозон — да это просто **Claridge** парижский перед этой крепостной развалиной! Но стоит она прелестно, среди широких лугов, окруженная вековыми вязами. А отовсюду видны леса и разные кряжи и пики. Солнце горячее, — но какая свежесть! Мы из **Cannet** выскочили, — как из духовой печки. Ни комаров, ни мушкетеров — в помине нет. А к той крайней *raucvreté* нашей квартиры, даже к тому, что сверху сыплется на нас какой-то «прах веков», к полному отсутствию малейших удобств, — мы, по правде сказать, уж и привыкли! За отсутствие жары я даже не сетую на чуть-чуть увеличившуюся мою глухоту (от высоты, ведь 1200 м!) Бунины были у нас. Даже он извелся от жары! И своими «словами» ругал ее, грасскую. Мы же ее и вообразить здесь не можем.

Заметьте еще, что **Thorenc**, это прелестнейшее место, нынче совершенно пустынен, и — благодаря римскому папе! Он купил за 3 миллиона **Grand Hôtel** и поселил туда белых монахов *santé délicate*. Французы испугались, что это санатория и решили не ездить в **Thorenc**, (где, кстати, нет ни малейшего казино). И

теперь на прелестных лесных дорожках мы встречаемся лишь с белыми задумчивыми бенедиктинцами; а в городе, вместо музыки, только вечерние колокола.

Но тут есть нечто, о чем именно вам, Клозонкам, хочу я рассказать. Если бы вы и Ольга Львовна это увидели — в какой бы ужас и грусть это вас погрузило! Я вижу это каждый день два раза, и непрестанно думаю о вас, о вашем Клозоне — об этом действительно рае, по сравнению с маленьким детским адом в этой благословенной природе! Вот, слушайте. Наш замок — в стороне, и чтобы пройти в местечко Thorenc — надо пересечь громадный луг, чуть-чуть подняться к склону кряжа и по склону уже выйти на дорогу. Так вот, на подъеме, на самом склоне, на крошечном выступе, стоит крошечный домик, на стене которого намазано: *La maison des petits*. Вообразите хибарку, с одной стороны прислоненную к горе, с другой же «плато», шириной с комнату Альбы, не больше; за ней — грязный обрыв, какие-то курятники, огород, прачешные — не знаю, что. Самое «плато», куда выходят двери хибарки, неизъяснимой грязи, и заплюзганности, и заваленности черепками, бумагами, лоханками; полно петухами, цыплятами, котятками разных мастей, собаками. Тут же стоят мольки, шайки, где купают детей, и столы со всяческой посудой, где дети едят. Тут же и проход с замковой тропинки на дорогу в город. Какие-то барышни в очках и без очков — «смотрят» за детьми, т. е. равнодушно смотрят на это безобразие. Дети — от колыбельных до лет 10-ти; последние вылезают играть и пачкаться на прилегающую дорогу (не главную), где за хлипким заборчиком обрыв и все эти прачешные, и живут почтальоны. Теснота прохода такая, что мы, без преувеличенья, *п р о д и р а е м с я* между мисками и колыбелями, когда их вынесено две. Естественно, что весь этот кусок, среди благоуханного воздуха Thorenc, лугового и соснового, исполнен зловономием. А мы исполнены изумлением, что это — может быть. Вот так *maison des petits*! кажется, что пахнет от всех земных дитенышей: и курячьих и кошачьих, и человеческих — вместе. Что это за «*petits*», какие дети и кто их так «призрел» — я даже узнавать не хочу. Уж очень жалко и досадно. Хоть бы самые демократические — ведь черепки и помои с дороги все же убрать бы можно, и мух из под колыбельного полога вымахать — тоже. А раз мы шли — тут же сидела, на проходе одна из барышен, в очках, а куафер ее стриг. Рядом младенец сидел у помойки. *Tableau!*

Вот, если мы идем в сторону города — мы тут и проходим. Тропинка есть другая, но гораздо длиннее. А тут все ходят. Подумайте, ну как не вспоминать ваш рай! И не в том дело, что у вас «аристократично», а тут, верно, бедные дети; представляю себе Ольгу Львовну и на этой приступочке, среди этой *rauvgeté*, — что бы она сделала!

Милая Катенька, *c'est promis*, неправда ли? что вы приедете к нам в Cannet на 2 дня. Там мы с вами наговоримся. Ив. Ив. мне писал перед отъездом, что видел Евлогия; и прибавляет: «ясно почувствовал на нем тлетворное влияние сближенцев с М. Сергием»... Ну да, этого и следовало ожидать. М-ны теперь в Швейцарии, на каких-то неистовых высотах. Т. Ив. хотелось бы заехать на возвратном пути к нам, вот тогда мы вместе приедем в Клозон. Мне и вообще хочется у вас побывать, Дм. С-чу тоже. Авось к сентябрю прекратится это беспримерное пламя, — что за лето!

Встретили на дорожке Каннского батюшку с его Асей. Он, бедный, тоже изнемог внизу от жары. Говорит 39 лет ничего такого не было.

Целуем вас без конца, дорогие. Теперь, когда у вас есть и прокурор, и автомобиль, вы, в сущности, могли бы и сюда к нам приехать, глотнуть свежести. От Биота (наши замковые владельцы в Биоте зимой живут) всего 1 ч. 40 минут езды.

Еще поцелуй — с ожиданием отклика.

Ваша

Зин. Гип.

У нас была Нина Берберова,⁴⁰ 3 дня жила. Говорит, что вашу Нину (Виргинию) родители поместили к католическим монахиням, и неизвестно, что дальше с ней будет.

25 Октября

7 Ноября

Среда 1928

Милая моя Катенька, получила открытку (в закрытке) и тотчас вам отвечаю. Уж как жаль, что не видала еще отшельниц, столько бы рассказать, а теперь половину забыла. От моих сестер еще были вести о Кат. Ив., более подробные, т. к. Тата у нее была. И о Кате с мужем, — все вести полупечальные-полупротивные. Когда приедете — покажу вам открытку.

Я поправилась, ничего, несмотря на неровную погоду. Но в даче у нас тепло, а вот Бунины несчастные. Заливаются, даже Роцин⁴¹ стонет.

Именины мои, верно, 11/24-го, Дм. С-ча — завтра (Дм. Салунского, 26 Окт./8 Ноябр.) а рождение его 15-го, только Августа, по старому 2-го. Все это — не так важно, однако вообще для чисел подарю вам непременно календарь отрывной.

Целую обеих вас крепко-прекрепко и продолжаю ждать свиданья. Обидно, ведь, будет, если мы так и в Париж уедем!

Ваша Зина

Мои сестры еще пишут, что к митр. Сергию они попрежнему, что большевики его давят под башмаком, а он покоряется всему, — «тошнит смотреть на него». Здесь, однако, Евлогий, точно ударенный, свое зудит и к Сергию простирается.

23 Июля

Дорогой, любимый друг Катя, сегодня совершенно случайно на улице встретила Мар. Сер. В. которую давно не видала, пожалуй что несколько лет.

Сейчас же заговорили о кончине М. Ю. Начало болезни было положено давно, во время пожара в [неразб.], где был санаторий. Ему пришлось спуститься со второго или третьего этажа по трубе (лестница уже горела) и этим же путем уговаривать спускаться больных. Все были спасены, а в это время наверху горело имущество и среди него многолетний труд по психиатрии «Душа русского народа», почти законченный. Сгорели также и ценная библиотека, источники для работы. М. С. думает, что ее не удалось восстановить.

М. Ю. надорвался, помогая спускаться спасаемым, принимая их тяжесть на себя. У него сделалась болезнь мочевого пузыря, которая заставляла его страдать до конца дней. Ему сделали операцию, но облегчение было кратковременное. Сознание потерял только в последние минуты. Все дети и жена были при нем. Очень страдал. Последние годы стал бывать в церкви. Очень полюбил церковное пение.

М. С. с восхищением говорила о жене и всей семье. Одна дочь уже замужем и сын женатый, младшему сыну 18 лет. Все любили отца и обожают мать. На пожаре сгорело почти все иму-

щество. Жить было трудно. Последнее время принимал больных в страхкассе. Очень был любим рабочими. Один из них навзрыд плакал у гроба. Была кремация, впечатление было тяжелое, похороны гражданские, но после них близкие сошлись в церкви для заочного отпевания и это было хорошо.

Ну вот, кажется ничего не забыла. М. С. проводила меня до дому и зашла отдохнуть. Она постарела, существует уроками англ. яз., расспрашивала о вас. Мы с нею простились и может больше не увидимся. Вчера нам объявили, что нас переводят в Ленинград, тоже в дом ученых, а наш милый дом ликвидируется. В нем будет гостиница для приезжающих молодых ученых. На сбор дают две недели. Ума не приложу, как я справлюсь. Много вещей, и все нужно, и некуда ничего поставить, везде теснота. Обнимаю вас, дорогая. Все эти дни молюсь за М. Ю. Были у ваших. Они здоровы. Ал. Мих. мрачен. Оба Володи наняли дачу в Сокольниках.

Влад. Мих. был на кремации.

[Татьяна Гиппиус]

Le Cannet

29 Окт. 28

Спасибо за память, Катенька и Ольга Львовна, милые мои, дорогие. Давно уж мечтаю повидаться с вами, жажду рассказать вам много-много, и столько мы встретили абсолютно не похожего на наши ожидания.

Но еще в Загребе,⁴² на возвратном пути, мы заболели; так, больные, ехали, и я, даже по сию пору, не могу поправиться никак: инфлуэнца не проходит. А то бы я к вам приехала. Катенька, побывайте у нас, если можете; очень будем вам рады обоим, а если можно Катю бы на ночь конфисковать, то чего лучше!

Хоть и больна я, а что ездили — не раскаиваюсь. Тут никто ничего правды о Сербии и о положении там русских не знает. А это полродины.

Обнимаю крепко

Зина

Мои сестры пишут, что Нат. Ив. (Сенина) стала старая, капризная, и очень хороша с сов. властью. А что «Катя с ней намучилась».

19-8-20

Villa Tranquille, Le Cannet
А.М.

Катенька милая, как грустно, что мы близко живем, и все не видимся. Но мы совсем никуда из Канн не ездим, я до сих пор себя не чувствую вполне здоровой. А последние дни и совсем не важно, очень уже беда эта меня подкосила. Мы с Асей только на Божью помощь и можем надеяться. Мы получили известие, что сестра моя Тата сослана на 3 года в Соловки. И 7 Авг. туда отправлена. Приняла она это с громадной силой духа, она изумительной религиозной крепости человек. Оставшаяся сестра (они всю жизнь не расставались) пишет (иносказательно, но ясно), что в тюрьме, за 4 месяца «все Т. очень жалеют, полюбили, потому что она всех мирила и воспитывала». А теперь она в Солов. монастыре с соловецкими узниками.

Ася бедная очень страдает, но молитва дает ей бодрость духа. Она приедет 1 Сентября к нам сначала, а потом хотела бы к вам, в Клозон; примите ее, если можно, вы, Катенька, помолитесь с ней за всех нас.

Милую Ольгу Львовну обнимаю, вас крепко-крепко тоже.

Ваша Зина

P.S. Ко всему этому у нас в доме полная анархия, и я не знаю, как мне — уж не себя — а Дм. С-ча покормить. Наша Мари венчается, и уезжает, Madeleine в Италии, и у нас только подозрительная 14 летняя девочка, которая даже подогреть супа не умеет. От Володи не жди помощи. А у меня ни один нерв не на месте.

Понедельник
18/5 Ноября 29

Катенька, друг милый! Рада была весточку от вас получить; так вы меня порадовали тогда вашим приездом! Ах, еслиб до нашего отъезда вы еще раз сумели выбраться к нам! Столько надо бы вам сказать еще. Мне вечером тогда только жалко было вас лишиться сна, а то бы я вас так скоро не отпустила!

Что до вашего романа — я его все поджидала, но не дождалась. Не думайте, я бы с любовью его просмотрела и во всем бы разобралась. Отчего вы не дали его переписать Грассу? У maître'a две дактило к его услугам, наверно одна из них вам бы

помогла! А что касается Маковского,⁴³ то вы знаете его, пишешь ему — пишешь, он и ухом не ведет, так «занят!» Я это время не меньше его была занята; до мигрени, по ночам даже, писала одну статью для брошюры (и без гонорара!) почти с ума сошла, пока кончила! А все-таки, посреди этого, написала ему дважды о вашей книге. Но определенного ответа до сих пор не имею. Поверьте, не поленюсь, еще раз напишу!

Но и вы, дорогая, не поленитесь мне ответить тотчас же на один д е л о в о й вопрос, касающийся вас обеих и Клозона. Меня сегодня спросили, не дадите ли вы приюта двум девочкам, и на каких условиях. Это — один Канский мастер по мозаике. Его покинула жена, никакой женщины он в дом брать не хочет, а девочки одна совсем маленькая, лет 5, кажется, а т. к. он целый день работает, то не знает, как ее воспитать. Другой девочке уж 15 лет, он хочет, чтобы она работала, но отнюдь не хочет отдать ее в какое-нибудь не верное место, где «по теперешним временам» она «развоспитается», т. е. вместо работы и приученья ко всему, ее будут «laisser sortir», и т. д. Кто-то говорил ему, что в Клозоне строгая и «ф а м и л ь н а я» обстановка. И вот он спрашивает, не согласитесь ли вы этих девочек взять, сколько это будет стоить (платить он будет аккуратно, сомневаюсь только, чтоб по 600 фр. в месяц! Не хватит этого у мастера-то мозаичного!) и какое детям нужно «приданое», нужно ли la literie и т. д. Т. к. это надолго, то я и подумала, — может эти девочки (притом не больные) вам и сгодятся, — старшая-то наверно может быть вам даже помощью. Во всяком случае ответьте мне что-нибудь к п я т н и ц е, когда я обещала дать ваш отклик. Пришлите проспект и, в письме, тот minimum, который возможен при всех данных условиях. Есть всякие asil'и и colledg'и, но отец их не хочет, ибо, говорит, там и хорошие дети портятся, и ничего они не «воспитывают», и к работе не приучают. У него есть еще мальчик, но этого он к своей работе (мозаике) уже приучает.

Больше я ничего не знаю и жду вашей или О. Л. строчки к пятнице (и проспекта общего).

Милая моя Катенька, не верю я, что вы не приедете еще. Приезжайте хоть на Архистратига Михаила и всего небесного воинства! Вот порадуете!! Тогда и ответ бы кстати привезли. И книжку я бы вам дала. (Грязно она напечатана! Да ничего.)

Обнимаю вас и милую Ольгу Львовну. Христос с вами.

Зина

18-4-30

Paris

Христос Воскрес,

дорогие сестры, милая Ольга Львовна и неоцененная Катенька. Все мы поздравляем вас с Великим Праздником, целуем и желаем всего, чего и себе.

Катя, скоро напишу вам письмо; я была 3 недели больна, теперь ничего. Итак — до письма, а это лишь объятия.

Зина

24.4.30

V. Tr.

Милая Катенька, мы уезжаем с некоторой внезапностью, ибо дачу сдали и новые жильцы требуют вселяться. Отчасти это хорошо, что дача непростоит, а с другой стороны — очень не хочется и грустно уезжать, особенно в такой спешке.

И, значит, мерку для престола вам надо уж прислать мне на Париж, — не замедлите, дорогая! Буду ждать.

На другой день после вашего отъезда получила еще письмо от Илюши, довольно обиженное, что я, мол, не понимаю «коллектива», и что если, мол, Руднев⁴⁴ или Вишняк накладывают veto, так он должен подчиняться, а на другие статьи он накладывает... Словом, чепуха, и я с ним там поговорю. Напишу вам, что он еще будет объяснять.

А теперь быстро кончаю, у меня уж голова кругом пошла от спешки. Целую вас без конца. Целую Ольгу Львовну — так я ее и не видала нынче!

Утешение, что погода испортилась эгоистическое мое утешение — какой нервирующий ветер! А что-то в России?

Христос с вами, родная.

Зина

(продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татьяна Ивановна Манухина (1885-1962, урожд. Крундышева, литературный псевдоним Ф. Тамарин), близкий друг Зинаиды Гиппиус и автор романа *Отечество* (Париж, 1933). См. о ней Temira Pachmuss, *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* (München: Wilhelm Fink Verlag, 1972), 461-518; Temira Pachmuss, «A Literary Quarrel: Zinaida Hippus versus Tatjana Manuxina», *The Estonian Learned Society in America Yearbook IV: 1964-1967*, 63-83.
2. Ольга Львовна Еремеева, подруга Екатерины Николаевны Лопатиной.
- 2а. Лопатина писала статьи о Владимире Соловьеве (под псевдонимом К. Ельцова), которого она лично знала в юности. См. К. Ельцова, «Сны нездешние: к 25-летию кончины Владимира Соловьева», *Современные записки*, № 26 (1928), 225-275.
3. Иван Алексеевич Бунин (1870-1953), поэт и писатель. Первый Нобелевский лауреат в истории русской литературы (1931).
4. Edouard Herriot (1872-1957), французский политический деятель, радикал-социалист, мэр города Лион, автор *La Russie nouvelle* (Paris, 1922), *Dans la Forêt Normande* (1925) и *La vie de Beethoven* (1929).
5. Анна Николаевна Гиппиус (1872-1942; литературный псевдоним Анна Гиз), сестра Зинаиды Гиппиус, автор книги *Святой Тихон Задонский* (Париж, 1927) и дневника «Обитель Соловецкая», *Возрождение*, № 83 (1958), 13-27. См. о ней в *Intellect and Ideas in Action*, *op. cit.*, 518-530.
6. Прислуга Мережковских.
7. Работа Лопатиной о Владимире Соловьеве.
8. Поликсена Сергеевна Соловьева (1867-1924; литературный псевдоним Аллегро), сестра Владимира Соловьева, близкий и многолетний друг Зинаиды Гиппиус, автор сборников стихотворений *Стихотворения* (Скт. Петербург, 1899), *Елка* (Скт. Петербург, 1907), *Плакун-трава: стихи* (Скт. Петербург, 1909) и т. д. См. о ней Temira Pachmuss, *Women Writers in Russian Modernism: An Anthology* (Urbana: University of Illinois Press, 1978), 175-190.
9. Павел Николаевич Милюков (1859-1943), лидер кадетской партии, историк, автор множества трудов по русской истории, ред. газеты *Последние новости* (Париж, 1920-1940). Между Милюковым и Зинаидой Гиппиус отношения были очень натянутыми. См. *Intellect and Ideas in Action*, *op. cit.*, 168-180.
10. Татьяна Ивановна и Иван Иванович Манухин, муж Татьяны Ивановны, врач, автор ряда статей в *Новом журнале*, например, № 54 (1958), № 73 (1963), № 86 (1967).
11. Роман *Отечество* (1933) Т. Таманина.
12. Иван Алексеевич Бунин, к которому Гиппиус очень хорошо относилась, называя себя шутливо его «верной подружкой».

13. Ste Thérèse (de Lisieux) de l'Enfant-Jesus, которую Гиппиус очень любила и посвятила ей цикл прекрасных стихов. См. Temira Pachmuss, *Z. N. Hippus: Collected Poetical Works*, Vol. I: 1899-1918' Vol. II: 1918-1945 (München: Wilhelm Fink Verlag, 1972).
14. Амалия Осиповна Бунакова-Фондаминская, жена Ильи Исидоровича Бунакова-Фондаминского; долголетний друг Зинаиды Гиппиус. См. З. Гиппиус «Единственная» в сборнике статей *Памяти Амалии Осиповны Фондаминской* (Париж, 1937), 47-49.
15. Евлогий (Георгиевский) митрополит Западно-Европейских русских церквей (1868-1946).
16. Философ Иван Алексеевич Ильин (1883-1954), автор трудов *О сопротивлении злу силою* (Берлин, 1925), *Религиозный смысл философии* (Берлин, 1925) и др. Член Религиозно-философской академии в Берлине (основанной в 1927 г.).
17. Владимир Ананьевич Злобин (1894-1965), поэт и секретарь Мережковских с 1916 г. См. о нем *Intellect and Ideas in Action*, 182-331.
18. Зинаида Гиппиус помогала своим двум сестрам, которые не успели выехать из России: Татьяне Николаевне Гиппиус (1877-1945?), художнице, другу Александра Блока и Поликсены Соловьевой, нередко иллюстрировавшей их сборники стихов; Наталье Николаевне Гиппиус (1880-1945?), скульптору в Скт. Петербурге. Обе сестры принимали активное участие в «Главном» Гиппиус. См. об этом в книгах Temira Pachmuss, *Hippus: An Intellectual Profile* (Carbondale: Southern Illinois University, 1971), 103-165 и *Between Paris and St. Petersburg: Selected Diaries of Zinaida Hippus* (Urbana: University of Illinois Press, 1975), 101-178.
19. Мария Самойловна и Михаил Осипович Цетлины. М. О. Цетлин (1882-1945; литературный псевдоним Амари). Ред. *Современных записок* (1920-1940) и альманаха *Окно* (Париж, 1923). Автор романов и сборников стихов. Основатель *Нового журнала* в Нью-Йорке.
20. Ольга Львовна Еремеева.
21. Марк Вениаминович Вишняк (1883-1971; литературный псевдоним Вен. Марков), ред. *Современных записок*, автор книг политического содержания и воспоминаний. Автор статьи «З. Н. Гиппиус в письмах», *Новый журнал*, № 37 (1954), 181-210. С 1945 г. консультант по русским делам в журнале *Time* (Нью-Йорк).
22. Илья Исидорович Бунаков-Фондаминский (1880-1944), ред. *Современных записок*, близкий, многолетний друг Мережковских, участник их «Главного». См. некролог Г. Федотова «И. И. Бунаков-Фондаминский», *Новый журнал*, № 13 (1948), 317-329.
23. Профессор Евгений Иванович Ляцкий (1868-1942), автор ряда трудов по истории русской литературы: *Очерки русской литературы* (Прага, 1922?), *Гончаров: жизнь, личность, творчество* (Стокгольм, 1920), *Слово о полку Игореве* (Прага, 1934) и др.
24. *Возрождение*, ежедневная газета в Париже (1925-1936) с 1925 по 1927 под редакцией П. Б. Струве. На приглашение П. Струве участвовать в газете Д. С. Мережковский ответил отказом; затем еженедельная газета (1936-1940); возобновлена в 1949 в виде двухмесячника; в годы 1955-1969 — ежемесячный журнал. 1949 редактор И. Тхоржевский; 1949-1954 — С. Мельгунов; 1954-1960 — ред. коллегия; 1960-1969 — С. С. Оболенский и Я. Н. Горбов.
25. Газета Милюкова *Последние новости*.

26. З. Н. Гиппиус часто жаловалась своей близкой подруге, шведской художнице Грете Герелль, что В. А. Злобин много лгал. См. *Intellect and Ideas in Action*, 531-641.
27. К. Ельцова (Е. М. Лопатина).
28. М. С. и М. О. Цетлины.
29. Еженедельный литературный журнал *Звено* (1923-1927), редактор М. Винавер и П. Милюков. Ежемесячный журнал (1927-1928), ред. М. Кантор.
30. Митрополит Западно-Европейский Евлогий (1868-1945). См. *Путь моей жизни; воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной* (Париж, 1947).
31. Антоний (Храповицкий), Митрополит (1863-1936), в эмиграции возглавлял Зарубежный Синод. Автор книг о Достоевском и Пушкине, *Пушкин, как нравственная личность и православный христианин* (Белград, 1929) и *Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения* (Монреаль, 1965 — переизд.).
- 31а Анастасий (Грибановский) (1873-1965), Митрополит, преемник Митр. Антония, автор книг о Пушкине: *Пушкин и его отношение к религии и православной церкви* (Новый сад, 1939), *Нравственный облик Пушкина* (Jordanville, USA, 1956) и др.
32. Сергиевская духовная академия в Париже.
33. Вениамин, епископ Севастопольский (Федченко) (1882-1962), инспектор Сергиевской духовной академии в Париже до 1931 г. См. о нем книгу Н. М. Зернова, *На переломе — три поколения одной московской семьи (1812-1921)* (Париж, 1970), 456-458. В 1945 вернулся в Советский Союз.
34. Газета *Дни* (Париж, 1928-1933). Ред. А. Ф. Керенский.
35. Федотов, Георгий Петрович (1886-1951; литературный псевдоним Богданов, Е., и Ф-в, Г.). Ред. журнала *Новый град* (Париж, 1931-1940), автор ряда книг и многочисленных статей. Гиппиус называла его (Федотова) «подколодным ягненком».
36. *Новый корабль* (Париж, 1927-1928), литературно-художественный журнал. Ред. В. Злобин и Л. Энгельгардт.
37. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов (1870-1918). Известен как инициатор «Корниловского восстания» против Временного правительства Керенского. После отречения от престола Николая II Корнилов произвел арест Императрицы Александры Федоровны и Императорских Детей в Царском Селе. См. *Письма Царской Семьи из заточения*, ред. Е. Е. Алферов (Джорданвилл, США: Свято-Троицкий Монастырь, 1974), стр. 36.
38. *Современные записки* (Париж, 1920-1940), ежемесячный литературный и общественно-политический журнал. Ред. коллегия Н. Авксентьев, И. Бунаков, М. Вишняк, А. Гуковский и В. Руднев.
39. Первый конгресс писателей и журналистов в эмиграции (Белград, 1928), организованный королем Александром, в котором приняли участие Мережковские, Куприн и другие русские писатели. Король вручил Орден Св. Савы первой степени нескольким русским писателям, в том числе Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус, за их вклад в сокровищницу русской литературы. После Конгресса Мережковские были приглашены в Загреб читать свои стихи и лекции по русской литературе. Профессор К. Ф. Тарановский (Гарвардский у-т) хорошо помнит эти вы-

ступления Мережковского и Гиппиус. См. *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile, op. cit.*, 246-248.

40. Нина Николаевна Берберова (род. 1901 г.), поэт, писатель и литературный критик. См. ее автобиографию *Курсив мой* (München: Wilhelm Fink Verlag, 1972).
 41. Николай Яковлевич Федоров (1896-1956; литературный псевдоним Рощин, Николай). Писатель и близкий друг Буниных. Автор нескольких книг, например, *Белая сирень* (Париж, 1936), *Горнее солнце* (Париж, 1929), *Журавли* (Белград, 1930) и др. Сотрудник журнала *Иллюстрированная Россия* (Париж, 1924-1939). Вернулся в Советский Союз в 1946 г., где начал печататься в различных советских журналах и в *Журнале Московской патриархии*.
 42. См. о поездке в Югославию на Конгресс писателей в *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile, op. cit.*, 246-248.
 43. Сергей Константинович Маковский (1877-1962), издатель «Аполлона», автор сборников стихов: *Вечер: вторая книга стихов 1913-1914* (Париж, 1924-1939), *Somnium breve* (Париж, 1946), *Год в усадьбе: сонеты* (Париж, 1949) и др. Большой друг Мережковских, которого они очень ценили.
 44. Вадим Васильевич Руднев (1874-1940), редактор *Современных Записок*, Городской голова Москвы с февраля по сентябрь 1917 г.
-